

Именно поэтому Ли Юэ решил снять «Хунхуан» в формате сериала с несколькими сезонами. Если бы, как это принято в китайской телевизионной индустрии, сериал был снят за один раз, во-первых, затраты были бы слишком велики, и даже такой богач, как Ли Юэ, не смог бы себе этого позволить; во-вторых, слишком длинный сериал не подходит для зарубежного рынка.

Из-за влияния США на международную киноиндустрию большинство стран уже привыкли к формату сериалов с сезонами. Раньше, когда китайские сериалы экспортировались за границу, за исключением стран Юго-Восточной Азии, находящихся под влиянием китайской культуры, европейские страны с трудом воспринимали китайские сериалы, которые могли насчитывать от пятидесяти до шестидесяти серий. Чтобы продать их, многие китайские сериалы даже специально монтировали в версии из десяти с лишним серий для участия в международных телевизионных фестивалях.

Благодаря сознательному выбору формата сериала с сезонами, который соответствует требованиям зарубежного рынка, «Хунхуан» практически без усилий был приобретен сетью N для международного распространения. Хотя цена была невысокой, это был хороший старт, и, кроме того, права на трансляцию на телевидении, права на онлайн-показ внутри страны и права на международное распространение касались только первого сезона.

Если сериал хорош, разве можно не поднять цену за второй сезон?

Что касается съемочной группы в Хэндяне, огромный успех первого сезона «Хунхуана» принес им не только стремительно растущую популярность, но и значительное давление.

Как и говорил Чжан Байлу в день своего гнева, члены съемочной группы в этот момент глубоко осознали, что при таком уровне популярности «Хунхуана», который уже достиг вершины и практически стал культовым, если кто-то испортит второй сезон, он точно будет распят на позорном столбе интернет-пользователями, и простое забвение будет легким наказанием, а насмешки могут заставить его покинуть индустрию.

Поэтому в последующих съемках эффективность работы группы достигла невиданного уровня, все больше людей читали оригинальное произведение, и всего за три дня были сняты оставшиеся сцены в павильоне. Чжан Байлу махнул рукой, и группа отправилась на натурные съемки.

На этот раз съемки на натуре отличались от первого сезона: чтобы соответствовать местам проживания различных рас, требовалось снимать в нескольких локациях, поэтому пришлось не только много перемещаться, но и ехать очень далеко, практически пересекая весь китайский материк.

В таких интенсивных съемках Фэй Жань постепенно превратил внешнее давление во внутреннюю мотивацию.

Неважно, триста миллионов или семьсот миллионов, это не имеет принципиального значения, пока он остается главным героем сериала, это его ответственность. Ему нужно просто делать свою работу как обычно, а остальное пусть оценивают другие.

Эта мысль пришла ему в голову в ту же ночь, когда он узнал о семистах миллионах затрат. А потом он больше думал о том... черт возьми, он даже не подозревал, что Ли Юэ настолько богат! Хотя он давно знал, что Ли Юэ вложил триста миллионов юаней в «Хунхуан», он думал, что это общие инвестиции, и при съемках по сезонам на каждый сезон уйдет несколько десятков миллионов, что все еще в пределах воображения.

Но триста миллионов за сезон, а за серию — свыше десяти миллионов... Фэй Жань, только подумав, что за одну серию они могут купить квартиру во втором кольце Пекина, больше не мог смотреть на Ли Юэ прежним взглядом.

Это не просто золотая нога, это целый золотой истукан!

Думая, что несправедливо разрушать свои представления в одиночку, Фэй Жань выбрал удачный момент, когда он ждал своей сцены с Чжан Сюцзи, и поблизости не было лишних людей, чтобы поболтать.

— Сюцзи, ты знаешь, кто инвестировал в «Хунхуан»?

Чжан Сюцзи сидел перед вентилятором и, не оборачиваясь, облизывая мороженое, ответил:

— Не знаю, режиссер Чжан не говорил.

Фэй Жань хихикнул:

— Ты его знаешь.

— Знаю? Кто?

Чжан Сюцзи наконец проявил интерес и повернулся к Фэй Жаню.

Фэй Жань, не отрывая взгляда, произнес:

— Ли Юэ.

— Правда? Круто... хотя Ли Юэ и так выглядит как человек, который может такое сделать, это можно было ожидать.

Чжан Сюцзи кивнул и снова повернулся к вентилятору, наслаждаясь прохладным искусственным ветром.

— ...Почему ты так спокойно реагируешь? Ли Юэ! Вложил семьсот миллионов!

Фэй Жань был в ярости, реакция была совсем не такой, как он ожидал.

— Ну и что? Если он хочет вложить семьсот миллионов, зачем ты так волнуешься? И учитывая нынешнюю популярность «Хунхуана», окупаемость должна быть нормальной, второй сезон точно будет прибыльным. Чертовски круто, я же говорил, что Ли Юэ молодец, у него острый взгляд.

Хотя они подружились с Ли Юэ, тень «ребенка из чужой семьи» не так легко стереть, и Чжан Сюцзи с недовольством громко хрустел мороженым.

— Я не волнуюсь... просто не ожидал, что Ли Юэ настолько богат... разве ты не удивлен? Семьсот миллионов, не семьдесят миллионов!

Чжан Сюцзи бросил на Фэй Жана взгляд, полный презрения:

— Достань телефон, поищи «Чжан Недвижимость».

Фэй Жань:

— ...

— Это мое.

Сказав это, Чжан Сюэци достал из холодильника еще одно мороженое и спокойно продолжил его облизывать.

...Черт, как я мог забыть, что он тоже богач!

Попытка разрушить чьи-то представления обернулась против него самого, и Фэй Жань, чувствуя себя безнадежным, одновременно подумал, что, возможно, после слов Чжан Сюэци это действительно не такая уж и большая новость? И почему он так спокойно воспринимает богатство Чжан Сюэци, но так переживает из-за Ли Юэ?

Хотя он не понял, в чем причина его беспокойства, после слов Чжан Сюэци Фэй Жань решил относиться к Ли Юэ так же, как и к Чжан Сюэци, и сразу почувствовал себя лучше.

17 июля вышел двенадцатый эпизод первого сезона «Хунхуан: Великий Шаман».

После того как дочь дяди Лу Мина, шаманка, погибла в результате несчастного случая, единственным шаманом в клане, который соответствовал возрасту и имел право унаследовать титул Великого Шамана, стал Лу Мин.

Потеряв любимую дочь и видя, как власть ускользает из его рук, дядя Лу Мина в родовом храме, словно обезумев, проклинал Лу Мина, утверждая, что это он убил его дочь, и если Лу Мин станет Великим Шаманом, это принесет беду всему клану.

Лу Мин не оправдывался, он просто стоял в храме, молча глядя на табличку с именем своего отца.

Не будучи членом клана, Пу Бай не мог войти в храм и остался за дверью. Услышав проклятия дяди Лу Мина, он не выдержал и крикнул:

— Разве подобает перед предками произносить такие слова! И без доказательств, как ты можешь так клеветать на Лу Мина!

— Малыш! Здесь тебе не место вмешиваться!

— Я действительно не из вашего клана, но я тоже шаман! И здесь не только я и Лу Мин шаманы! Ты можешь спросить, кто слышал, что Лу Мин убил твою дочь?

Шаманы в храме, будь то старики за сорок или дети, начали шептаться.

— Ты слышал?

— Нет... я и так плохо слышу... а ты слышал?

— Я уже стар...

— Бабушка, что слушать?

— Ты слышишь звуки в ветре?

— Да, в ветре всегда есть звуки.

— Не такие...

Дядя Лу Мина дрожал от злости, но не мог ничего возразить, в конце концов он упал на пол, бормоча:

— Это он... я знаю, это он... это он...

При поддержке всех шаманов человеческой расы Лу Мин принял нефритовый амулет, символ Великого Шамана, а церемония официального наследования титула была назначена на следующий день.

Чтобы подготовиться к церемонии, шаманы покинули храм, оставив Лу Мина одного, который, поглаживая нефритовый амулет, смотрел на множество табличек в храме. Лучи заходящего солнца освещали храм, окрашивая его в оранжево-красный цвет, и только тень Лу Мина, стоящего спиной к двери, смешиваясь с черным, казалась кроваво-красной.

— Лу Мин, ты не идешь?

Пу Бай высунул голову из двери, смотря на спину Лу Мина.

— ...Иду.

Лу Мин прикрепил амулет к поясу, подошел к сидящему на полу дяде и тихо сказал:

— Дядя, я не хочу быть вашим врагом, но титул Великого Шамана я получу. То, что я должен вам и Чжэньчжэнь, я верну в следующей жизни.

Сказав это, он вышел из храма, не оглядываясь, оставив своего безумного дядю, который издавал пронзительные крики.

На следующий день, с восходом солнца, шаманы клана возглавили процессию, и члены клана, как река, пели ритуальные песни, поднимаясь на гору Линшань.

Наконец, на алтаре горы Линшань с Лу Мина сняли верхнюю одежду и надели на него черные ритуальные одежды Великого Шамана. Он стоял под лучами восходящего солнца и запел:

*

О, как прекрасно, поставьте наши барабаны!

Бейте в барабаны мерно, радуйте славных предков.

Потомки приходят с молитвой, даруйте завершение помыслов...

*

<http://bllate.org/book/16726/1538365>